

Падение Испанской Республики

Вадим Дамье

2018

Оглавление

Крах республики

3

Крах республики

К концу 1937 – началу 1938 г. все яснее становилось, что Республика проигрывает в гражданской войне. Даже несмотря на массированную советскую помощь, регулярная республиканская армия не только не в состоянии была одержать решающие победы в ходе попыток наступательных операций, но и терпела одно крупное поражение за другим. Если еще в марте 1937 г. республиканцам удалось наголову разгромить отборные итальянские войска под Гвадалахарой (во многом, благодаря успешным действиям анархистской колонны Сиприано Меры), положив конец усилиям противника по овладению Мадридом, то уже через несколько месяцев дела стали идти все хуже и хуже, и после весны 1938 г. в руках Республики оставались только две отделенные друг от друга зоны: Каталония и Центрально-Южная (между Мадридом, Валенсией и Альмерией).

Неудачи республиканцев вызывались как тем, что их регулярная армия сражалась с куда меньшим энтузиазмом, чем прежние добровольные «милиции», так и неумелыми действиями руководства. Военное командование выдвигалось в большей мере по принципу личной и политической преданности, нежели на основании боевых качеств кандидатов на занятие постов. В результате армейское руководство все больше оказывалось в руках членов и приверженцев компартии. По подсчетам Пейратса, во второй половине 1938 г. до 60% бойцов в Каталонии все еще составляли либертарики. Зато в командовании военными частями Республики они были в явном меньшинстве. Оба командующих группами армий считались сторонниками компартии; из 6 командующих армиями 3 были коммунистами или их сторонниками, 2 сторонниками анархистов и 1 держал нейтралитет. Из 32 командующих корпусами 15 были коммунистами или сотрудничали с ними, 2 – либертариями и 4 – их сторонниками. Из 70 командующих дивизиями лишь 9 были либертариями, а из 196 командующих бригадами – лишь 33; среди остальных многие являлись коммунистами или их приверженцами.

«Когда массы, разочарованные поражениями и лишениями, постепенно потеряли веру в победу, Негрин осмелился обозленно говорить о "быдле"», – вспоминал Сухи. Премьер то предлагал противнику мир, то заявлял о намерении воевать до конца. Перед лицом все более безнадежной ситуации, в либертарном движении снова стали подумывать о возможности партизанской войны с врагом – традиционной испанской «герильи».

Идея добровольных ополчений и партизанской войны всегда была характерна для анархистов. Интересно, что в 1927 г. Б.Дуррути и Ф.Аскасо обсуждали опыт партизанских действий с анархистом Нестором Махно, бывшим командиром повстанцев в годы гражданской войны в Украине. Дуррути всегда был сторонником «герильи», но после июля 1936 г. ориентировался на взятие Сарагосы путем фронтальной атаки анархистских ополчений – «милиций». В то же время, Абад де Сантьян выступал

за то, чтобы организовать партизанские действия в тылу врага в Арагоне, и с их помощью завладеть столицей региона. И хотя между сентябрем 1936 г. и январем 1937 г. десятки бойцов ополчений пересекали линию фронта и совершали операции во вражеском тылу, как сетовал Абад де Сантильян, «герилья, единственная форма ведения войны, подходящая милициям, не была [полномасштабно, – В.Д.] использована; людей засунули в окопы и в укрепления, изматывая в бесплодных атаках или деморализации в долгие периоды бездействия».

Осенью 1936 г. командир колонны «Эбро-Юг» Антонио Ортис Рамирес (1907–1996), его советник Сатурнино Карод Лерин (1903–1988) и Абад де Сантильян, в сотрудничестве с Региональной конфедерацией НКТ Арагона, Риохи и Наварры разработали план захвата Сарагосы путем партизанской акции – операцию «Вольная коммуна». Предполагалось, что 500 партизан, разделенные на 5 центурий, ночью проникнут в рабочие кварталы города и затем, с помощью анархистского подполья, захватят его ключевые пункты. Их действия должны были быть поддержаны наступлением 10 центурий «милиций» на фронте и перекрытием железнодорожных и шоссейных дорог, ведущих на Север и к Мадриду. После освобождения Сарагосы предполагалось сформировать временный муниципальный совет во главе с анархо-синдикалистом Антонио Эхарке Пина, военное командование на месте должен был взять на себя Гарсиа Оливер, а пост представителя центрального правительства («гражданского губернатора») передавался левому республиканцу.

План был согласован с представителями республиканских властей, советскими военными советниками, командирами авиации и командованием анархистских колонн в Арагоне. Дуррути после ряда тайных совещаний одобрил разработку плана и выразил готовность принять в нем участие, оставив за собой право окончательного решения на сей счет после ознакомления со всеми деталями. Ему явно не нравилось то, что освободить Сарагосу придется в сотрудничестве с другими политическими силами и с властями. Так или иначе, все было подготовлено к началу операции (люди, оружие, логистическое обеспечение, транспорт, пропагандистский материал и т.д.); ждали только приказа о начале операции, но его так и не последовало. Операция была отменена «сверху», по неизвестным причинам.

Абад де Сантильян, занимавший с сентября 1936 г. до весны 1937 г. пост советника по экономике в каталонском Женералитате, продолжал, по его собственному утверждению, попытки организовать, помимо официальных распоряжений властей, партизанские силы, которые могли бы действовать на территории противника. Он обсуждал этот вопрос с советским консулом В.А. Антоновым-Овсеенко; тот согласился, что партизанская тактика в значительной мере помогла победить «белых» в гражданской войне в России и лично ему симпатична, но предупредил, что советское правительство оружия на это не даст, и обращаться к министру обороны республики Индалесио Прието тоже бесполезно.

На волне поражений анархо-синдикалистские «лидеры» стали вновь вспоминать о партизанской войне. В сентябре 1937 г. на пленуме НКТ Гарсиа Оливер ошарашил участников заявлением о том, что Республика проигрывает войну. Считая, что необходимо «превращение – по исчерпанию революционных возможностей – нашей социальной войны в войну за независимость перед лицом итало-германского вторжения», он выдвинул «Проект создания органа, который организует разложение тыла

противника». Речь шла о создании сети партизанских отрядов, подотрядов, групп и агентов с общей программой националистического характера: «Никакого антифашизма. Единственный лозунг момента: борьба против иностранных интервентов». Эти силы должны были вызывать антииностранные настроения в тылу врага и среди испанских фашистов, провоцировать волнения и столкновения между населением и итало-германскими властями, заниматься экономическим, промышленным и военным саботажем, организовывать нелегальные профсоюзы и забастовки, вести пропаганду, подкупать военных деятелей и чиновников противника, настраивая их друг на друга, и т.д. Руководить деятельностью должен был специальный тайный правительственный орган, финансируемый из секретного фонда.

В январе 1938 г. из этих общих соображений родился конкретный план организации партизанского движения в захваченных франкистами районах Андалусии и Эстремадуры. Гарсиа Оливер предполагал, что в него удастся вовлечь тысячи беженцев, бывших ополченцев и республиканских солдат, которые укрылись от врага в высоких горах Сьерра-Невады. Их число оценивалось примерно в 4 тысячи, хотя сам Гарсиа Оливер в мемуарах называет цифру в 20 тысяч. В «Памятной записке об организации военно-конспиративного характера, оперирующей в мятежной зоне» он снова писал о возможности «превратить гражданскую войну в войну, имеющую расовый [sic! – В.Д.] характер и характер войны за независимость не только политическую, но и территориальную». Позднее в воспоминаниях он утверждал, что хотел вовлечь в проект анархистов, которые, «как и я, хотели делать социальную революцию... и отдавали себе отчет в том, что если не произойдет чего-либо нового, будет потеряно все: революция, война, родина, в которой живем».

Проект получил название «План Камборьос», по имени цыганской семьи из стихотворений великого поэта Ф.Гарсиа Лорки, убитого франкистами. Предполагалось организовать школу для подготовки партизан, в которой те могли бы обучиться выживать в неблагоприятных условиях, ориентироваться на местности, владеть всеми видами оружия и способами связи, уметь организовать партизанский лагерь, смену часовых, добычу и приготовление пищи, завязывать контакты с населением и помогать ему. После месячных курсов, первые 200 человек должны были быть переброшены за линию фронта, в провинцию Гранада, и там разделиться на 5 групп, которым предстояло постепенно вырасти до 100 человек в каждой, а затем и охватить тысячи людей. В качестве зоны действий партизан назывались Андалусия, Эстремадура и, возможно, также Юг Португалии. К проекту были привлечены оставшиеся не у дел бывший председатель Совета обороны Арагона Х.Аскасо, бывший командир колонны «Эбро-Юг» и 25-й дивизии А.Ортис, смещенный за солидарность с Аскасо и Советом, писатель Франсиско Грасиани, Хайме Небот (занимался изготовлением радиопередатчиков) и др. Отправившись в Мурсию, Гарсиа Оливер присмотрел в качестве места размещения школы здание бывшей артиллерийской школы в Лорке. Он также встретился с вновь находившемся под арестом бывшим командиром андалусийской «милиции» Ф. Марото, заручившись его поддержкой и обещанием участвовать в осуществлении плана (при условии, что сам Гарсиа Оливер тоже пойдет партизанить).

Гарсиа Оливер составил детальное обоснование проекта и вручил его министру обороны И. Прието. Дальнейшая судьба плана не вполне ясна. По утверждению са-

мого Гарсиа Оливера, министр передал его на изучение главе французской военной миссии и советским военным советникам, причем первый выразил интерес, а вторые отвергли проект, после чего тот был оставлен. Историк М. Аморос, называющий проект, написанный Гарсиа Оливером, «дилетантским», «смутным» и бюрократическим, приводит, ссылаясь на биографов Ортиса – Хосе Мануэля Маркеса и Хуана Хосе Гальярдо – информацию о том, что в феврале 1938 г. И.Прието отдал поручение разработать план организации специального отряда именно Ортису, а Гарсиа Оливер фигурировал уже лишь в роли одного из советников.

Как бы то ни было, партизанское движение на Юге так и не было организовано. Через несколько месяцев Ортис и Х.Аскасо вернулись на Север страны, где Ортис был назначен командующим 24-й дивизией в Сео-де-Уржеле. Однако их продолжали подвергать травле как коммунисты, так и противники в самом анархо-синдикалистском движении. Многие, как Гарсиа Виванкос, сменивший Ортиса в сентябре 1937 г. на посту командующего 25-й дивизией, обвиняли его в недостойном поведении, сластолюбии, жажде власти и вмешательстве в дела аграрных коллективов. Однако имеются данные, указывающие на то, что кампания против Ортиса была втайне затеяна М. Васкесом, с подачи коммунистов, и на то, что Ортиса и Х.Аскасо сделали «козлами отпущения» по подсказке В.Маса и Э.Бариоберо. Сам Ортис утверждал, что к заговору против него был причастен Виванкос, втайне связавшийся со сталинистами и желавший занять пост командующего 26-й дивизией. Распространились слухи о том, что на Х.Аскасо и Ортиса, которого отстранили от командования 24-й дивизией, готовится покушение. 5 июля 1938 г. оба, вместе с 10 сторонниками (включая руководство дивизии), бежали в Андорру, а затем во Францию, что вызвало скандал в анархо-синдикалистских рядах. «Лидеры» обвинили их в «дезертирстве». В сентябре того же года пленум Национального комитета НКТ исключил Ортиса из рядов профсоюзов, а в октябре пленум Испанского либертарного движения предъявил ему обвинение в «донкихотстве»!

План «Камборьос» был не последней попыткой испанских анархистов возобновить самостоятельную боевую деятельность. Одновременно план организации партизанского движения в Наварре выдвинул Абад де Сантильян. Министр И.Прието, которому был вручен проект, отреагировал с энтузиазмом и пообещал помочь в его осуществлении. Но советские советники добились отказа от него.

В марте 1938 г., когда пал Арагон, либертарные организации имели возможность за несколько дней отправить на фронт от 40 до 60 тысяч членов, в качестве добровольцев-ополченцев. Республиканские власти отказались принять их, а НКТ и ФАИ, согласившиеся с правительственным принципом регулярной армии, не стали настаивать. С трудом удалось сформировать 6 батальонов, включенных в состав армии. Лишь небольшой группке арагонских партизан разрешили действовать самостоятельно, формально в виде армейского «Батальона пулеметчиков Ц»; их посылали на самые опасные участки, и они отчаянно дрались с противником во время наступления франкистов на Каталонию в начале 1939 г.

Полуостровной комитет ФАИ продолжал призывать к организации партизанской войны. В бюллетене, вышедшем 27 мая 1938 г., говорилось о необходимости «армии партизан», которая, взяв пример с берберов, антияпонских повстанцев в Китае и «герильерос» из испанской истории, будет оперировать, «просачиваясь во вражеский

лагерь, перерезая коммуникации, взрывая мосты, нападая на конвои, водопои и деревни, создавая отряды во вражеском тылу». «Нам нужна регулярная армия, кто же сомневается, – тут же оговаривались «лидеры» ФАИ, – но нам нужны и эти партизаны, которые, держа врага в постоянной тревоге, деморализуют и дезорганизуют его, заставляют его расплыть силы...». Однако все эти заявления оставались благими пожеланиями. Загнанные в рамки профсоюзного сектора экономики и сражавшиеся на фронтах анархисты были намертво пристегнуты к дававшему все больший и больший крен кораблю Испанской республики и, в конце концов, пошли ко дну вместе с ним. И самой меткой эпитафией к данным им историей, но неиспользованным шансам и к несбывшимся, похороненным надеждам испанского анархизма может считаться крылатая фраза Абада де Сантьяна из написанной вскоре после поражения книге: «Мы знали, что невозможно победить в революции, если прежде не одержать победу в войне, и всем пожертвовали ради войны. Мы принесли в жертву даже саму революцию, не поняв, что эта жертва означает также принесение в жертву целей войны».

Крах Республики приближался с конца 1938 г. со стремительной быстротой. И причины его заключались не только в неблагоприятном соотношении военных и международных сил, в бездарности и нерешительности республиканских властей, не сумевших организовать оборону Каталонии и бежавших при первых признаках крушения фронта. Сбывались сделанные еще в конце 1936 – начале 1937 гг. предостережения итальянского анархиста Камилло Бернери и других критиков политической линии руководства испанского либертарного движения: население, страдая от лишений и жертв, от нехватки продовольствия и диктаторских мер, больше не отождествляло себя с Республикой. «Наша армия, еще не оправившись, с одной стороны, от операции на Эбро и испытывая нехватку оружия, находилась в весьма трагической ситуации отставания [от противника, – В.Д.]. С другой стороны, население уже не испытывало энтузиазма первых дней...», – признавали члены Национального комитета НКТ после падения Каталонии. В конце декабря 1938 г. войска франкистов перешли в решительное наступление и к началу февраля 1939 г. захватили всю Каталонию.

Сотни тысяч сторонников республики бежали во Францию, где они были впоследствии интернированы. Военные части отступали в панике и беспорядке. Последними перешли границу бойцы бывшей «Колонны Дуррути» – в полном порядке и с оружием. Именно эта бывшая колонна, а теперь – 26-я дивизия под командованием Р.Санса предприняла, вероятно, последнюю в ходе войны попытку независимых действий либертарных сил. В ходе отступления она достигла гор Сьерра-дель-Кади в каталонских Пиренеях и там созвала ассамблею для обсуждения возможности создать отдельную «Республику Кади», своего рода революционный кантон, защищенный с запада рекой Сегре, с востока – территорией Франции, с севера – Андоррскими Пиренеями, а с юга – горами Сьерры. Идею поддержали арагонские и каталонские крестьяне, которые сопровождали дивизию, вместе со своим скотом и пожитками, и она была встречена с энтузиазмом. Однако и на сей раз ничего не вышло: НКТ и верховное командование отвергло план и приказало дивизии отступить в Пуичсерда, к французской границе...

Во Франции оказалось и покинувшее Барселону правительство Негрина. От Испанской Республики осталась только небольшая территория между Мадридом и Валенсией. Республиканское правительство объявило всеобщую мобилизацию. Однако это решение встретило серьезные возражения в либертарном движении. На пленуме ФАИ в Валенсии 19 января 1939 г. участники ссылались на то, что промышленность и деятельность движения будут после этого парализованы, а оружия не хватит на всех. Анархисты соглашались на мобилизацию 30–50% членов своих организаций, заявляя, что будут оказывать сопротивление попыткам призвать большее количество людей. Однако другие организации, и, прежде всего, ВСТ, согласились с декретом о мобилизации.

20–23 января в Валенсии заседал национальный пленум региональных комитетов либертарного движения (в отсутствие делегатов от Каталонии). Представитель Центрального региона призвал отказаться от всеобщей мобилизации, делегат Леванта – к тому, чтобы возглавить ее и не допустить захвата командных постов коммунистами. В конечном счете, Национальный подкомитет НКТ согласился с мобилизацией, а Полуостровной подкомитет ФАИ отверг ее. Комиссия либертариев встретила с командующим группой армий Центрально-Южной зоны генералом Хосе Миахой, который заявил о готовности мобилизовать 50% трудящихся. Стоит отметить, что на пленуме прозвучала идея создания Высшего военного совета. 23 января Полуостровной подкомитет ФАИ высказался за образование Национального комитета по связям Либертарного движения, формирование Национального секретариата ИЛД по обороне, Хунты обороны и специальной организации, которая будет противостоять маневрам коммунистов («Революционного трибунала», «Комитета общественного спасения» или «Контр-ЧК»).

По оценке Пейратса, «расхождения между либертариями противопоставили, главным образом, подкомитеты НКТ и ФАИ», то есть временные комитеты, созданные после эвакуации Национального и Полуостровного комитетов во Францию. В центре спора оказалась политика генерального секретаря НКТ М.Васкеса. Руководство НКТ сохраняло верность его заявлениям на национальном пленуме либертарного движения в октябре 1938 г. Оппоненты упрекали его в срыве решений пленума, прежде всего, в том, что касалось созыва Комитета по связям ИЛД. По предложению ФАИ, этот комитет, в конце концов, собрался 30 января 1939 г. Было выдвинуто также требование о перестановке в высшем командовании и о создании Высшего военного совета из представителей партий и организаций с контрольными функциями. В письме к Миахе 1 февраля секретари трех ветвей либертарного движения потребовали от него больше считаться с антифашистскими организациями, и 3 февраля тот пообещал создать национальный орган из представителей всех антифашистских сил.

Либертарии в этот момент возлагали также наивные надежды на слухи о том, что США будто бы намерены отказаться от нейтралитета в испанском вопросе. В ходе нового пленума региональных комитетов либертарного движения 10–11 февраля выяснилось, однако, что Миаха отказывается от какого-либо контроля за своими действиями, как со стороны организаций и партий, так и со стороны правительства Негрина. Ходили слухи о том, что коммунисты готовят государственный перево-

рот. Либертариям оставалось только рассыпать невнятные угрозы и постановить провести встречу с Негрином и «реалистически» объяснить ему положение дел.

6 февраля на заседании Полуостровного субкомитета ФАИ говорилось о том, что правительство Негрина – фактически уже труп, но отстранять его несвоевременно. Одновременно Национальный комитет НКТ принял 11 февраля обращение «К бойцам, к беженцам во Франции!», в котором признавал поражение: «Мы побеждены, но не унижены. Мы можем оставаться с высоко поднятой головой. Мы исполнили свой долг так, как никто не смог бы на нашем месте. Мужественный народ, мы в течение 30 месяцев сражались против мира». Воззвание взывало к «духу испанцев» и «свободных людей» и обещало, что организация не покинет на произвол судьбы своих беженцев и поможет им устроиться в «гуманитарных странах».

Вернувшиеся из Франции Х.Негрин, коммунистические военные командиры Э.Листер, Х.Модесто и лидеры компартии заявляли о намерении бороться до конца. Но эти декларации вызвали недоверие анархистов, которые помнили, как правительство и коммунистическое руководство бежали из Каталонии в январе. Анархисты подозревали, что коммунисты намерены навязать всем последний безнадежный бой, а в последнюю минуту спастись в одиночку.

Военное командование 16 февраля предупредило Негрина, что положение безнадежно. Негрин сообщил о намерении произвести кардинальные перестановки в армейском руководстве, включая назначение коммуниста Модесто генералом и командующим армий Центрального региона, вместо полковника Сехисмундо Касадо. Первоначально Негрин отказался от встречи, предложенной анархистами, затем – после жесткого письма Комитета по связям – дал согласие при условии, что ему будет направлено новое, «более корректное» послание. Однако, приняв делегатов анархистов 11 февраля, премьер-министр не был настроен на диалог, и встреча закончилась безрезультатно.

15 февраля на заседании комитетов ФАИ, НКТ и ФИХЛ, Национального подкомитета НКТ, Полуостровных подкомитетов ФАИ и ФИХЛ было сообщено, что вернувшийся в Испанию министр-член НКТ Сегундо Бланко привез инструкции от находившихся во Франции секретарей Национального комитета НКТ и Полуостровного комитета ФАИ. В них утверждалось, что президент республики Асанья и премьер-министр Негрин договорились прекратить войну, правительство постарается направить иностранные суда для эвакуации активистов, а мексиканское правительство готово предоставить убежище части сторонников Республики.

Между анархистами и республиканскими властями обострялся конфликт вокруг вопроса о контроле над армией. Либертарии опасались, что она полностью попадет в руки коммунистов. 16 февраля проблема обсуждалась на заседании Комитета связи либертарного движения в Мадриде. На нем произошло резкое столкновение между членами комитета и анархистом-военачальником, командиром 4-го корпуса Сиприано Мерой, подвергнутым критике за чрезмерную лояльность военному начальству. Мера, в свою очередь, атаковал деятельность руководящих комитетов движения, заявив, что они не оправдали доверия. Участники постановили сообщить Негрину и командующему армией Центра полковнику Касадо, что движение не потерпит назначения на руководящие военные посты коммунистов, которые возвращались из Франции вместе с премьер-министром.

Анархисты опасались, что компартия полностью захватит власть в еще сохранявшейся республиканской зоне и развернет против них террор. По утверждениям Гарсиа Прадаса, в руки НКТ попало несколько циркуляров организаций КПИ с соответствующими инструкциями.

ФАИ все более резко выступала против правительства Негрина. Укрывшиеся во Франции члены Полуостровного комитета передали свои функции товарищам в Испании, и те на заседании нового состава комитета 22 февраля обвинили секретаря подкомитета НКТ и его коллег в «негринистской позиции» и «комплексе превосходства». Заявив о недоверии министру от НКТ С.Бланко, они потребовали «окончательных решений». Оставшиеся в Испании подкомитеты НКТ и «Либертарной молодежи» также приняли свои функции от оказавшихся на французской территории Национальных комитетов.

Анархистские активисты теперь также не сомневались в том, что поражение неизбежно. Впоследствии М.Васкес объяснял в письме в МАТ: «После падения Барселоны во всех партиях, организациях и слоях населения восторжествовал взгляд, что война проиграна и следует ориентироваться на политику, которая могла бы способствовать заключению мира. Оказывалось все более бесполезным продолжать приносить в жертву гражданское население и солдат. Имелись определенные планы в отношении тысяч людей, которые после заключения мира неминуемо подверглись бы мести Франко; в самой НКТ, которая всегда выступала за борьбу до конца, также начали присоединяться к этой точке зрения».

25 февраля на заседании Комитета по связям представители ФАИ заявили: «С таким правительством невозможно заключить почетный мир. Нет другого средства, кроме создания другого правительства или Хунты обороны, которая предоставила бы гарантии». На следующем заседании 26 февраля делегаты ФАИ обвинили НКТ в сепаратных контактах с Негрином. Участники постановили предложить Народному фронту создание Высшего военного совета и назначение полковника Касадо начальником генерального штаба. Члены созданного в феврале либертариями Комитета обороны Центрального региона встретились с полковником и заявили ему о необходимости создания Национального комитета обороны в противовес правительству Негрина.

Анархисты не доверяли Негрину и коммунистам, опасаясь, что те используют ситуацию в своих собственных интересах и бросят либертарию на произвол судьбы. «Негрин держал наготове свой самолет, чтобы в час опасности улететь во Францию и оказаться в безопасности, – вспоминал Сухи. – Для вывоза коммунистических вождей, руководителей более низкого звена и видных членов партии также были подготовлены транспортные средства по воде и воздуху. Для всех некоммунистических борцов с фашизмом дела обстояли совсем иначе. Они были беспомощно отданы на произвол мести фашистов».

По свидетельству бывшего главного редактора мадридской газеты «СНТ» Хосе Гарсиа Прадаса (1910–1988), министр внутренних дел Паулино Гомес, по распоряжению Негрина, приказал напечатать в типографии военного министерства 60 тысяч паспортов для желающих покинуть страну, причем премьер заявил, что визировать их будет он сам. Некоторые анархистские активисты тоже получили такие паспорта, но либертарные организации сочли, что спастись должны или все – или никто.

Учитывая, что сотни тысяч людей были лишены такой возможности, «либертарное движение... запретило своим членам помышлять об эвакуации».

В середине февраля на пленуме ИЛД Центрального региона в Мадриде с участием 250 делегатов участники постановили создать Региональный комитет обороны, который должен был обладать собственной военной организацией, контрразведкой, экономическим комитетом, комитетом по транспорту, специализированными техническими комиссиями и информационной службой. Главой Комитета обороны был избран один из ведущих активистов мадридской НКТ Эдуардо Валь Бескос (1908–1992). Военные вопросы были возложены на Сиприано Меру. В выпущенном обращении содержался призыв к населению, Либертарному движению и анархистским военным частям – сохранить «честь антифашизма». Анархисты напоминали о словах Негрина: «Либо мы все погибнем, либо мы все спасемся» и заявляли о намерении проследить за тем, что те, кто это сказал, выполнили то, о чем говорили. Комитету обороны было поручено разработать программу действий в сложившейся ситуации. В плане действий, разработанном Гарсиа Прадасом в Совете обороны Конфедерации, предлагалось, чтобы правительство Негрина уступило исполнительную власть Хунте обороны, как это было в Мадриде в ноябре 1936 г. В нее должны были войти представители всех антифашистских партий и профсоюзов. Поскольку президент Асанья эмигрировал, парламент больше не собирается, иностранные державы фактически признали режим Франко, контролирующей уже большую часть территории страны, Республика фактически прекратила свое существование, и Негрин должен ответить за свои действия и поражение перед антифашистскими организациями. Хунте обороны предлагалось провести переговоры с противником о почетном мире, а в случае их провала – организовать сопротивление до конца.

План был передан представителям всех антифашистских организаций и одобрен большинством из них (включая ВСТ и ИСПП) и многими военными командирами. Только мадридская КПИ попросила время на раздумье и информировала Негрина.

1 марта состоялось заседание новых Национальных комитетов НКТ, ФАИ и «Либертарной молодежи». Руководители НКТ обвинили Комитет по связям ИЛД в затягивании работы и потребовали предоставить Национальному комитету Конфедерации исполнительные полномочия; «Либертарная молодежь» отвергла такую попытку «монополизировать» движение, а ФАИ подвергла НКТ критике за «бунт» против решений организаций. На новом заседании в присутствии С.Бланко 3 марта ФАИ предложила план обеспечения безопасности ИЛД, который включал замену военного командования, назначение главой генерального штаба С.Касадо и создание Высшего военного совета.

Негрин объявил о том, что намерен выступить с важным заявлением 6 марта. Подозревая, что речь пойдет о совершении президентского государственного переворота и установлении диктатуры при поддержке коммунистов, Региональный комитет обороны 4 марта стянул все наличные силы активистов а помещения синдикатов и анархистских групп и заручился согласием С.Меры, в случае необходимости, направить некоторые части его 4-го корпуса в Мадрид. 5 марта правительство объявило о назначениях коммунистов на ряд руководящих постов в армии: Х.Модесто получил генеральское звание, М.Тагуэнья – должность командующего в Мурсии, Э.Вега – командующего в Аликанте, а Ф.Галан – командующего военно-морской базой в

Картахене. Одновременно премьер-министр по телефону вызвал к себе в Валенсию генералов Миаху и Матальяну и полковника Касадо.

Опасаясь ареста, Касадо решил действовать, договорившись с С.Мерой. В ночь с 5 на 6 марта силы, верные Касадо (в основном, анархисты из 70-й бригады 4-го корпуса С. Меры) заняли ключевые пункты и радио в Мадриде. Представители мадридского военного командования, ИЛД и партий Народного фронта (кроме КПИ) договорились принять план Гарсиа Прадаса о создании Национального совета обороны. Номинальным главой совета был объявлен генерал Миаха, который в действительности узнал о событиях по радио. В его состав вошли, помимо председателя, 2 беспартийных (включая ответственного за оборону С.Касадо), 2 члена НКТ (по финансам и сельскому хозяйству – Гонсалес Марин, по связям и общественным работам – Эдуардо Валь), 2 республиканца, 1 социалист и 1 член ВСТ.

Декларация Национального совета обороны (НСО) обвиняла режим Негрина в дезертирстве из Каталонии. В документе, в частности, говорилось: «Мы не можем согласиться с тем, что в то время пока народ готовится к сопротивлению насмерть, его руководители готовятся совершить комфортабельную кражу... Мы заявляем, что мы не дезертируем и не потерпим дезертирства... Мы обещаем, что никто не покинет Испанию, прежде чем смогут уехать все желающие... Доктор Негрин сказал: «Мы все спасемся или все погибнем». Национальный совет обороны взял на себя задачу претворить эти слова в действительность...». После телефонного разговора с Касадо Негрин поспешил покинуть Испанию.

Каковы же были намерения НСО и его сторонников? Они, безусловно, сходились в намерении отстранить пагубное правительство Негрина, не дать КПИ захватить власть, а также попытаться договориться об условиях прекращения войны. Но участники выступления в Мадриде представляли себе решение этих задач весьма поразному, о чем свидетельствовало уже то, как они расставляли акценты в своих первых речах.

Касадо и связанная с ним часть армейского руководства рассуждали в духе представлений, традиционных для испанского офицерства. Они считали, что политики в очередной раз завели страну в тупик, а военные, принадлежа к одной касте, сумеют договориться между собой и прекратить кровопролитие путем почетного джентльменского соглашения, компромисса, наподобие того, каким в 1839 г. в Вергаре закончилась первая карлистская война – противостояние между сторонниками двух ветвей королевской династии. После встречи с Негрином 16 февраля Касадо, Матальяна и ряд других военачальников решили, что премьера следует отстранить и начать «прямые переговоры о мире с врагом, как военная власть, легитимная власть нации». Тайные агенты Франко контактировали с этими республиканскими командирами и старательно укрепляли их в такого рода наивных иллюзиях, подпитанных безнадежностью.

По-иному рассуждали анархисты. В циркуляре, разосланном Региональным комитетом обороны ИЛД 14 февраля 1939 г., указывалось, что, при напряжении всех сил, можно сопротивляться еще несколько месяцев. В начале февраля Мера обсуждал перспективы дальнейших действий с Касадо. Последний предлагал отступить к Картахене, сосредоточить там 80-тысячные силы республиканцев и продержаться до грядущей большой европейской войны, одновременно организовав эвакуацию

желающих. Мера выдвигал другой проект: сконцентрировать все имеющиеся силы на юге Центральной зоны, нанести удар в сторону Эстремадуры, «ломать» другие фронты и разворачивать широкую партизанскую войну.

На встрече в доме Касадо, незадолго до создания НСО, с участием Меры, Валя, Гарсиа Прадаса, члена Регионального комитета обороны Мануэля Сальгадо и начальника штаба 4-го корпуса Антонио Верардини, было условлено, что переговоры с Франко должны вестись, что называется, с «позиции силы»: предполагалось собрать в одном месте 30-40 тысяч преданных вооруженных людей и заминировать шахты Альмаден, а для руководства этими мерами назначить Меру командующим армией Центра. Именно на такой основе «хотели играть в переговоры о мире», вспоминал позднее Мера. «Мы отнюдь не хотели устраивать новую Нуманцию, потому что это было несовместимо с нашими чувствами, но необходимо [было] добиться того, чтобы враг не обращался с нами на переговорах как с покорными побежденными».

Однако для того, чтобы вести торг с «позиции силы», необходимо было сохранять внутреннюю сплоченность. Но отстраненные коммунисты подняли восстание против НСО. Компартию приглашали принять участие в Совете обороны. Отказавшись, коммунисты сняли с мадридского фронта 40-ю, 41-ю и 42-ю бригады, часть 12-й бригады и бросили эти части против сил, поддержавших Совет обороны (в основном, 4-го корпуса Меры). Коммунистов поддержал также 5-й корпус карабинеров. Чтобы подавить это выступление, НКТ вызвала из резерва 60-ю и 35-ю бригады, и 1-й артиллерийский корпус. Бои на улицах Мадрида продолжались до 12 марта; в ходе их погибли сотни людей.

В итоге выступление коммунистов было подавлено. В последующие дни те обвиняли Совет обороны в массовых репрессиях против компартии, призывали к единству и «почетному миру, который гарантировал бы независимость Испании». В действительности, военный трибунал армии Центра приговорил к смерти всего 3 лидеров сталинистского восстания против НСО: полковника Л.Барсело Ховера, комиссара 7-й дивизии Х.Конесу Артеага (за приказ о расстреле трех взятых в плен подполковников) и комиссара П.Леаля; полковнику Э.Буэно казнь была заменена на 30-летнее заключение, но его выпустили на свободу перед самым падением города.

7 марта 1939 г. Комитеты НКТ, ФАИ и Либертарной молодежи объединились в общий Национальный комитет либертарного движения (НКЛД) во главе с Хуаном Лопесом. «У нас были причины... для того, чтобы устранить коммунистов, а также республиканцев и социалистов, которые виновны в наших поражениях, – заявил Лопес. – Однако мы не хотим уничтожить никакую партию. Коммунистическая партия должна быть частью Народного фронта, сотрудничать в Совете, но не вмешиваться во власть». НКЛД обсудил возможности прекращения войны с помощью почетного мира, а также отношения с Национальным советом обороны. На случай провала переговоров было решено эвакуировать активистов, спасти ценности организации и уйти в подполье.

Переговоры с франкистскими агентами начались 12 марта. НСО выдвинул следующие минимальные условия: «гарантия независимости и территориальной целостности»; «гарантия от любого рода репрессий»; «гарантия экспатриации для всех тех, кто пожелают покинуть национальную территорию» Испании. Однако Франко потребовал безоговорочной капитуляции Республики, обещая помиловать «обману-

тых» и «не совершивших преступления», а остальных – освободить после отбытия наказания. Он отказался давать какие-либо письменные гарантии.

Республике оставалось тянуть время и готовиться к эвакуации, для чего Совет призвал обсудить меморандум Франко. Одновременно Совет обороны направил делегацию за границу, чтобы подготовить эвакуацию. Гонсалесу Марину было поручено послать комиссии в Париж, Лондон и Мехико. Эти комиссии были назначены либертарным движением.

Получив решающую помощь Меры в подавлении выступления коммунистов, Касадо больше не нуждался в командире-анархисте. 12 марта фактический глава НСО сообщил Мере, что намерен снять его с поста командира 4-го корпуса и отослать подальше от Мадрида – командовать войсками в Эстремадуру. Тот категорически отказался, понимая, что его воспринимают как помеху для уступок франкистам, и, несмотря на уговоры Валя и Гонсалеса Марина, пригрозил подать в отставку.

16 марта НКЛД в присутствии 2 членов Совета обороны от НКТ обсудил сложившуюся ситуацию. Было подтверждено, что в случае провала переговоров следует организовать отчаянное сопротивление и готовиться к эвакуации. Участники решили, что члены комитетов НКТ и ФАИ, находящиеся во Франции, не подходят для организации этого дела и должны скорее вернуться в Испанию. 18 марта на встрече с Касадо и Валем Мера заявил им, что не желает нести ответственность за то, что те начали переговоры с врагом, без учета прежних договоренностей, хотя он, как солдат, подчинится приказам. «Вы предстали перед ним [врагом, – В.Д.] с пустыми руками, и он будет обращаться или не обращаться с вами, как будто он действительно победил», – сказал членам НСО командир-анархист.

Мера считал, что мадридские лидеры не в состоянии вести переговоры так, чтобы добиться уступок от Франко. «Я не понимаю действий Касадо и других членов Совета обороны, – писал он в своих записках. – Они что, не отдают себе отчета в том, что если у нас нет в руке никакого козырного туза, генерал Франко станет обращаться с нами без всяких церемоний? Какого великодушия они могут ожидать после борьбы не на жизнь, а на смерть на протяжении более чем двух с половиной лет? Победитель в редчайших случаях бывает великодушен по отношению к побежденному; правду говоря, я не помню ни единого случая. А от такого победителя, как этот сегодняшней, вообще нельзя ожидать никакого великодушия».

19 марта НСО получил от антифашистских организаций согласие на переговоры с Франко о мире и на следующий день официально заявил о своих мирных предложениях. 23 марта 2 республиканских офицера отправились по воздуху в штаб-квартиру Франко в Бургос. Франкисты не давали никаких гарантий, и переговоры не дали результата. Франко потребовал от республиканцев предварительно сдать свою авиацию в качестве знака готовности к капитуляции.

Тем временем, 22 марта НКЛД выпустил манифест к активистам и всему народу, в котором отверг обвинения коммунистов и возложил на них вину за подрыв и ослабление арьергарда. Либертарное движение, говорилось в манифесте, имеет смелость «публично заявить о необходимости мира, который предотвратит новую кровавую баню». Этот мир должен быть не просто криком «спасайся, кто может», а «почетной ситуацией, которая позволит всем желающим покинуть Испанию и

защитит оставшихся от попыток репрессий». Но надежд на такое соглашение не оставалось.

В тот же день, по согласованию с НСО, НКЛД направил 2 активистов в сопровождении полковника Ромеро во Францию, чтобы уладить вопрос со снабжением продовольствием. Посылка делегации в Америку была отменена. На новой встрече через 2 дня НКЛД обсудил выдвинутые Франко условия и поручил членам НСО от НКТ выступать в Совете за следующую позицию: «требовать от франкистских властей, чтобы они подписали документ, пакт или обязательство, оговаривающее условия установления мира в соответствии с духом наших первоначальных предложений. При отсутствии такой гарантии, следует прервать переговоры и готовиться к ожесточенной защите наших интересов, нашей жизни, нашей свободы».

Республиканские представители были снова посланы в Бургос. 26 марта, по настоянию членов Совета от НКТ, собралось новое заседание НКЛД. Франко требовал по телефону сдать авиацию, угрожая в противном случае немедленно прервать переговоры. Вопреки оппозиции либертарных членов, НСО принял решение отдать самолеты и сообщил об этом по радиотелеграфу в Бургос. Однако франкисты ответили, что генеральное наступление уже началось, и остановить его невозможно.

Фронт покатился; франкисты наступали, почти не встречая сопротивления. Солдаты в массовом порядке дезертировали и даже братались с противником. 25 марта Касадо, наконец, назначил Меру командующим армии Центра, но лишь для того, чтобы поручить ему подготовить эвакуацию Мадрида. НКЛД предложил поэтапное отступление к побережью.

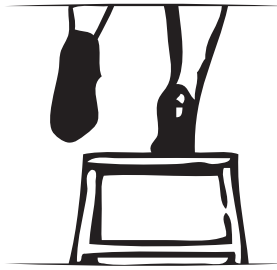
27 марта на новом заседании члены НКЛД осудили издание НСО публичного призыва к эвакуации, сочтя, что он неминуемо приведет к беспорядочному и паническому бегству. «Политика Совета пошла по плохому пути», – заявили участники заседания. К врагу больше нельзя обращаться с переговорами, разве что только после ожесточенного сопротивления. Гонсалес Марин предложил отвести силы в какой-нибудь порт и организовать оттуда сопротивление. Было решено создать «Хунту по эвакуации». В то же время, Совет обороны создал такие же хунты в каждой армии. Число подлежащих эвакуации оценивалось в 40 тысяч человек.

28 марта 1939 г. официально началась эвакуация из Мадрида, хотя беспорядочное бегство происходило уже несколько дней. Последними покинули Мадрид члены НКЛД. На следующий день армия Республики практически распалась. Хунта по эвакуации в Валенсии действовала скорее формально, представители европейских держав предоставили визы лишь некоторым тщательно отобранным лицам.

Большинство желающих эвакуироваться направились в удаленный порт Аликанте. Там вдоль побережья курсировали иностранные военные корабли. В порту Гандиа они взяли на борт членов НСО и группу беженцев. Но большинство все еще оставалось на берегу. «4 апреля моторизованные итальянские части под командованием генерала Гамбары вошли в порт Аликанте... Более 4000... антифашистов оказались в плену в порту Аликанте. Для большинства из них правосудие генерала Франко означало смерть. Большая часть выбрала самоубийство... Те, кто покончил с собой, сделали это не из страха перед правосудием Франко, а чтобы выплюнуть позор в лицо так называемому цивилизованному и демократическому миру...», – с горе-

чью писал Пейратс (в действительности, 4 апреля - дата публикации сообщения о вступлении итальянских сил в Аликанте, - прим.)

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Вадим Дамье
Падение Испанской Республики
2018

Скопировано 2019-04-02 с <http://www.aitrus.info/node/5241>
Из книги: **В.В. Дамье. Анархо-синдикализм и революционное движение в Испании (1919-1939). М.: ЛЕНАНД, 2018. С.444-462.**

ru.theanarchistlibrary.org